Gliebov, S. I.

Bielyi general, ili, Istoricheskoe

S. - Peterburg

1900

Reel: 49 Title: 5

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00049.05

Control Number: BGL-6110
OCLC Number : 24814755
Call Number : W 381.5917B G418b
Author : Gliebov, S. I.
Title : Bielyi general, ili, Istoricheskoe proiskhozhdenie ego / sochinenie S. I. Gliebova.
Edition : Izd. 2.
Imprint : S.- Peterburg : Izdanie N. I. Kholmushina, 1900.
Format : 95 p. ; 17 cm.
Note : Colored ill. on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS

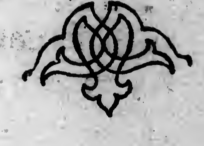

Сочиненіе С. И. ГЛѢБОВА.

ПОПУЛЯРНОЕ

ИЗДАНІЕ.

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ

ИЛИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЕГО.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книж. торг. Н. И. Холмушина.
1900.

Типографія Корпуснова, Мучной, № 7.

I.

Человѣколюбимое время.

Шестидесятые годы въ Россіи считаются порою высшаго гуманизма. Все руководящее сословіе того времени состояло въ лагерѣ этихъ человѣколюбцевъ. Не было у насъ дворянина, который не поддержалъ идею Александра II по предмету освобожденія крестьянъ. Всякій изъ мыслящихъ людей, хотя бы сколько нибудь стоявшій въ переди русскаго общества, какъ человѣкъ руководящей воли, присоединилъ свой голосъ къ идеѣ царя освободителя и шелъ по пути ея благихъ начертаній до конца своей жизни.

Единодушіе людей въ освободительной мысли царя было полное. Добродушіе всякаго изъ нихъ къ этой идеѣ не имѣло себѣ предѣловъ. Каждый по своему стремился что нибудь сдѣлать полезное для

народа. Отлученный отъ общей мысли человѣкъ считался тогда недостойнымъ носить русское имя. Какъ отверженецъ всѣхъ и вся, онъ долженъ былъ искать для себя убѣжища гдѣ нибудь за границею. Въ Россіи же его всюду преслѣдовало одно общественное мнѣніе: онъ чужой. И это слово для отчепенца освободительной мысли, какъ громъ поражало его на всякомъ шагу своей жизни въ Россіи.

Естественно само-собою, что такой порядокъ вещей пріучилъ всѣхъ русскихъ людей думать по русски, быть родѣтелями отечественныхъ интересовъ и, главное, блюстителями идей, нисходящихъ на насъ свыше...

Какъ и всегда въ этомъ передовомъ движеніи стояло русское дворянство. Способствуя всѣми силами своего ума гуманному направленію времени, оно воспитало въ себѣ добрый духъ и мягкое сердце. Сходясь во всемъ съ общей мыслею идеи царя-освободителя, дворянство давало ей дальнѣйшее развитіе въ русскомъ народѣ.

Это все конечно вмѣстѣ взятое выдвинуло къ жизни нашего общество такихъ великихъ душой людей, которые ни когда въ другое время не могли бы проявить своихъ человѣколюбивыхъ наклонностей. Но данный имъ толчекъ въ этомъ направленіи идеею Александра II по предмету освобожденія крестьянъ выдвинулъ ихъ на передовую линію жизни русскаго общества...

Такихъ дворянъ у насъ было не мало, которые были готовы положить душу свою за благо русскаго народа. Они всѣ одинъ передъ другимъ стремились каждый по своему предъявить намъ свои права на добрыя дѣла, на подвигъ человѣколюбія.

Стремленіе это все шло кресшендо по мѣрѣ того, какъ быстро шло у насъ общее просвѣщеніе народа. Не было кружка людей въ Россіи по своему спеціальному развитію, стоящему отдѣльно отъ другого, гдѣ бы эти люди не сумѣли чѣмъ либо проявить свою гуманную дѣятельность...

II.

Въ дорогѣ.

Въ это-то вотъ гуманное время на Руси по дорогѣ отъ города Ораніенбаума, лежащаго на южномъ берегу Финскаго залива, въ пятидесяти верстахъ отъ С.-Петербурга, мирно шли три путника. Всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, по формѣ были одѣты въ бѣлые кители и бѣлыя фуражки. По времени весны, стоявшей въ ту пору очень жаркой, эта одежда на нихъ была какъ-разъ по сезону.

Всѣ трое путниковъ были еще молодые люди. Бравые, статные, кровь съ молокомъ, они держали путь къ западу. Нагруженные всѣ походной аммуниціею, молодые люди раздѣляли свой трудъ по ровну. Не ропща на тяжесть ноши, ихъ давившей своей массивностію, они бодро, не дѣлая ни малѣйшей передышки, двигались впередъ. Хотя по ихъ распаленнымъ горячими лучами солнца лицамъ и текли ручьи пламеннаго пота, но они этимъ нисколько не смущались и все лишь слѣдовали къ своей цѣли...

Двое изъ этихъ молодыхъ людей выглядѣли изъ себя русскими простолюдинами, съ отпечатками на нихъ грубой манеры, нескладной рѣчи, какъ бы подчинной другому, а третій, напротивъ, казался человѣкомъ высшей среды, аристократомъ по рожденію и обладалъ изящными манерами. На лицѣ его, изнѣженномъ хорошимъ воспитаніемъ, маленькими змѣйками по обѣимъ сторонамъ верхней губы вился золотистый усъ, какъ краса «кавалерская» и побѣда дамскихъ сердецъ.

Но состороны между этими путниками трудно было провести даннаго различія. Они всѣ, напротивъ, были одѣты одинаково, поровну несли свою общую кладь и рядомъ шли маршъ-маршомъ. Казалось это были какіе либо столичные экскурсанты, шедшіе на свои ученыя работы къ Красной горкѣ, лежащей въ двадцати пяти верстахъ отъ Ораніенбаума, и несшіе на себѣ необходимые для этихъ занятій инструменты и прочія принадлежности такого путешествія, важные въ полевой жизни.

Идя путемъ—дорогою интеллигентый молодой человѣкъ обращалъ вниманіе своихъ остальныхъ спутниковъ на историческіе памятники, лежащіе здѣсь по сторонамъ.

— Это вотъ, говорилъ онъ, —бывшій домъ князя Меньшикова, любимца Петра Великаго, въ которомъ онъ принималъ у себя царственнаго гостя всякій день, когда онъ возвращался сюда изъ Кронштадта послѣ упорныхъ трудовъ своихъ, по сооруженію тамъ кораблей въ докѣ. А это вотъ каналъ кн. Меньшикова, который былъ вырытъ къ морю отъ подъѣзда его дома на протяженіи одной версты въ одну ночь въ то время, Когда Петръ Великій сказалъ ему, своему вѣрному слугѣ и русскому патріоту, любившему своего царя, — „что хотѣлось бы мнѣ, Меньшиковъ, прямо отъ подъѣзда твоего дома пускаться въ море на шлюпкѣ, а не верхомъ на конѣ, пока я достигну берега моря и шлюпку, тамъ меня ожидающую"... И Меньшиковъ исполнилъ царское желаніе въ точности. Наведя сюда до двадцати тысячъ солдатъ, онъ прорылъ этотъ

каналъ въ одну ночь. И когда царь, вставъ рано утромъ отъ сна и выйдя на подъѣздъ дома князя Меньшикова, чтобы сѣсть на коня и отправиться къ берегу моря до шлюпки своей съ цѣлію слѣдовать въ Кронштадтъ на его обычныя корабельныя работы, увидѣлъ у подъѣзда дома убранную и оснащенную парусами шлюпку, то, радостно просіявъ въ лицѣ своемъ сказалъ вѣрному слугѣ своему;—«да, ты, князь всегда старался облегчить мой трудъ»... И съ этими словами Петръ Великій поцѣловалъ князя Меньшикова... Вотъ каковъ былъ этотъ царскій слуга, продолжалъ свою рѣчь молодой человѣкъ. — А между тѣмъ, по смерти царя, когда на Руси начались смуты изъ за престолонаслѣдія, князя Меньшикова здѣсь, въ этомъ домѣ арестовали и сослали его въ Березовъ умирать... а имущество его конфисковали, взяли въ казну, въ томъ числѣ и до ста двадцати пудовъ одного золота и серебра...

— Какже это такъ, ваше благородіе? отозвался одинъ изъ остальныхъ двухъ

спутниковъ, — русскаго-то князя, да вдругъ и въ ссылку? Вѣдь онъ вѣрный слуга царевъ былъ, такъ кто-же его посмѣлъ взять?..

— Не русскіе люди, ребята!.. вотъ кто, отозвался молодой человѣкъ, названный его благородіемъ.

— И-ишь ты, право!.. не русскіе!.. А кто-же они?

— Нѣмцы...

— Ну ужъ я бы имъ этого не позволилъ... русскаго-то князя трогать! Да какъ они посмѣли? Я-бы ихъ всѣхъ на одинъ штыкъ нанизалъ! Посмѣли бы они только это сдѣлатв.

— Такъ вотъ ты въ войнѣ Россіи съ нѣметчиной ихъ всѣхъ и на нижи на штыкъ, ласково отозвался благородный спутникъ...

Пройдя еще съ полдня, наши путники вышли на крутой берегъ моря, возвышающійся надъ уровнемъ лона водъ такъ футовъ на сто. Отсюда имъ представилась во кругъ чудная картина. Прямо, на морѣ виднѣлся городъ Кронштатдтъ съ его морскими фортами,

какъ маленькими игрушечками за семъ верстъ разстоянія отъ сюда плававшими на водѣ; вправо отъ нихъ чернѣлъ сосновый боръ, называемый здѣсь Екатериненской рощею, а въ глубинѣ ея стоялъ прежде дворецъ Екатерины I, изъ оконъ котораго Императрица смотрѣла часто на море и поджидала изъ Кронштатдта своего царственнаго супруга, Петра Великаго, когда тотъ вечеромъ каждаго дня возвращался оттуда на шлюпкѣ домой, на отдыхъ, послѣ дневныхъ трудовъ своихъ по сооруженію въ порту на островѣ Котлинѣ судовъ Балтійскаго флота... На лѣво-же, на морѣ реялъ Толбухинъ маякъ, какъ бѣлая чайка, плававшая на водѣ. А у подножья самой горы, у лона водъ моря, на виду нашихъ путниковъ выдѣлялись рельефомъ бывшія русскія батареи, въ 1885 году послужившія защитою для нашей столицы—Петербурга отъ англійскаго флота, врѣзавшагося было въ воды Финскаго залива и обстрѣливавшаго Кронштадтъ и южный

берегъ моря, гдѣ находится городъ Ораніенбаумъ.

Картина эта показалась нашимъ путешественникамъ такъ восхитительна по своей красотѣ и величію ея на лонѣ самой природы раскинувшейся, что они рѣшили здѣсь сдѣлать привалъ и расположиться на самомъ верхнемъ бугрѣ на отдыхъ.

— Ну, вольно, ребята! скомандовалъ интеллигентный молодой человѣкъ, и остальные двое спутниковъ стали сбрасывать съ себя всѣ вьюки на землю...

III.

Лагерь.

Вскорѣ здѣсь была раскинута холщевая палатка, небольшого типа, и подлѣ нея закурился костеръ сучьевъ, собранныхъ въ ближайшемъ лѣсу, а надъ костромъ повѣшенъ былъ мѣдный чайникъ, въ которомъ закипятилась вода, взятая въ морѣ.

Все это время, пока готовился чай на огнѣ, его благородіе, какъ величали од-

ного изъ троихъ путниковъ, сидѣлъ на высокомъ холмѣ лицомъ къ морю и обозрѣвалъ всѣ лежащія окрестъ мѣстности. Не сводя глазъ съ лона водъ, онъ очевидно таилъ въ душѣ своей какія то сокровенныя мысли. А море межъ тѣмъ ласкало его взоръ своимъ широкимъ просторомъ. Тамъ влѣво, за Толбухинымъ маякомъ, далеко-далеко на горизонтѣ водъ длинной лентою тянулся бѣлесоватый дымомъ, а изъ подъ него медленно-медленно выползалъ, какъ темная точка на ясномъ фонѣ, морской гигантъ, эта игрушка зыбкихъ стихій; по временамъ года, на волѣ вѣтровъ подбрасываемая здѣсь могучими гребнями водъ какъ самая легкая, ничтожная по своему содержанію вещица. Тутъ же на морѣ, ближе къ берегу, реяли свѣтлыми точками надъ водой крупныя морскія чайки, то опускаясь въ волны залива, то поднимаясь надъ ними такъ высоко, какъ будто бы онѣ совсѣмъ уплывали въ небеса и тонули въ безднѣ подзвѣздной синѣвы.

Небо между тѣмъ было ясное. Голубая

пелена его, ниспадавшая сводомъ надъ землею, пріятно ласкала взоръ путника. А золотистое солнце, какъ раскаленное ядро въ плавильной печи чугунно-литейнаго завода не объятнымъ снопомъ разсыпало свои палящіе лучи на ликующую природу земли. Все здѣсь распологало къ нѣгѣ и лѣни; все дышало лаской и привѣтомъ. Одно лишь лицо молодого путника, его благородія, сидѣвшаго надъ моремъ было мрачно, глубоко задумчиво и серьезно сосредоточено на внутреннемъ его міросозерцаніи. Какой философскій вопросъ разрѣшалъ этотъ молодой человѣкъ, прекрасный какъ ангелъ, добродушный какъ геній, величавый какъ герой, сказать трудно. Но онъ о чемъ-то размышлялъ, его томило какое-то внутреннее самобезспокойство, окружающая мѣстность внушала ему что-то тревожное, и волнующее... Здѣсь передъ нимъ очевидно промелькнула исторія вѣковъ и народовъ, ведшихъ за свое преобладаніе въ то или другое время политическую борьбу, проливая драгоцѣнную человѣческую кровь

цѣлыми рѣками... Да, эта мѣстность говорила молодому человѣку многое кое что въ этомъ родѣ, она наводила его на разныя размышленія по исторіи Россіи, по борьбѣ Петра Великаго со шведами, по войнѣ нашей въ 1885 году съ Англіею... И вся эта земля въ минувшія времена была облита человѣческой кровью, весь этотъ берегъ изрытъ былъ непріятельскими ядрами; всѣ эти поросли земли возращены были на костяхъ человѣческихъ... Весь этотъ южный берегъ Финскаго залива отъ дельты Невы и до устья Нарвы, ровно на двѣсти верстъ разстоянія, въ древнія времена, принадлежа одному изъ родовъ славянскаго племени, здѣсь обитавшему, назывался Ингріею или землею Ингровъ, впослѣдствіи Ингерманландія, которую въ 1704 году завоевалъ князь Меньшиковъ и, получивъ ее въ собственность отъ Государя своего Петра Великаго, онъ населилъ здѣсь великороссное племя людей, взявъ его изъ центральныхъ губерній Россіи для того, чтобы обрусить этотъ край, въ то время

уже онѣмеченный и оскандинавленный прибалтійскими баронами или ловонскими рыцарями, тутъ вѣками царствовавшими и не милосердно насаждавшими среди всѣхъ племенъ народовъ здѣсь жившихъ лютеранизмъ западной церкви... По этому вся страна съ вѣками окончательно уже утратила свой славянскій обликъ и превратилась на половину въ нѣмецкую землю, на половину въ шведскую провинціи. Первыми-же ограбителями здѣшнихъ древнихъ славянъ были тѣ именно скандинавы, которые теперь живутъ въ датской землѣ; они-же построили и городъ Нарву при рѣкѣ Наровѣ. Имъ же былъ обязанъ св. Александръ Невскій тѣмъ, что ему пришлось поражать ливонскихъ рыцарей на льду Чудскаго озера зимою, когда эти скандинавскіе варвары напали на новгородскую землю и начали тѣснить всѣхъ русскихъ людей, жившихъ въ своихъ исконо-славянскихъ земляхъ...

Вся эта исторія вѣковъ однимъ движеніемъ мозгового удара скользнула по мыслямъ молодого путника и помра-

чила его спокойствіе духа. Давно сидя надъ бездною моря, онъ думалъ о томъ, сколько народныхъ силъ поглотила эта зыбкая стихія за протекшіе здѣсь вѣка, сколько человѣческихъ надеждъ погребено въ этихъ бѣлесоватыхъ гребняхъ водъ, изъ вѣко—въ вѣкъ свободно катящихъ свою не исповѣдимую силу въ даль грядущихъ временъ и поколѣній, какія вопли и стѣнанія носятся надъ этой безмолвно-много говорящей вамъ бездною водъ и сколько милліоновъ тѣней носится надъ этой береговой возвышенностію, на которой онъ находился?..

Прошло такъ довольно много времени, пока молодой путникъ сидѣлъ на берегу моря и созерцавъ его синеватую даль водъ. Но онъ всего этого времени не замѣчалъ и все продолжалъ молча сидѣть и размышлять. Повременамъ то взглядывалъ на земляные валы, батареи, лежавшей у подножія горы, на которой онъ находился, то всматриваясь въ далеко блѣднѣвшій на островѣ Котлинѣ городъ Кронштадтъ, молодой че-

ловѣкъ, очевидно, строилъ въ своей головѣ какіе либо планы на предметъ будущихъ движеній русской государственной жизни... Все это такъ ярко отражалось на его зеркалѣ души—лицѣ, какъ на чисто-прозрачной водѣ моря тотъ берегъ, на которомъ онъ помѣщался.

— Ваше благородіе, чай готовъ сказалъ одинъ изъ двухъ остальныхъ путниковъ, подойдя къ сидящему на холмѣ берега молодому человѣку, все еще глубокомысленно созерцавшему окрестности своего не большого лагеря.

Этотъ призывной голосъ надорвалъ нить его размышленій и онъ, забывъ все, быстро обернулся въ сторону говорившаго.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ и, вставъ, пошелъ къ раскинутой палаткѣ.

Но внутреннѣе созерцаніе имъ чего-то еще не покидало его и онъ все держалъ эти мысли на сосредоточенно-задумчивомъ лицѣ своемъ,—что хорошо было замѣтно со стороны каждому изъ его спутниковъ.

IV.

Сонъ.

Межъ тѣмъ уже вечерело. Солнце, спустившись за горизонтъ, посылало оттуда свои золотистые лучи на землю, разсыпая ихъ гигантскимъ вѣеромъ по искрасно-багровому небосклону. Въ воздухѣ стало влажно, но не свѣжо. Высокая температура не загоняла нашихъ путешественниковъ въ палатку. Чистый горный воздухъ благоухалъ живой природой весны и удерживалъ ихъ на открытомъ мѣстѣ. Имъ дышалось здѣсь какъ-то особенно хорошо. Послѣ столичной атмосферы, сгущенной органической испарины въ домѣ Петербурга, гдѣ они проводили все время года, живя тамъ постоянно, эти путники наслаждались здѣсь прелестiю природы. Вдыхая полной грудью чистый воздухъ, они сидѣли на травкѣ, молча попивая чай. Не смущаясь благородiемъ одного, остальные двое раздѣляли компанiю съ нимъ рядомъ. Все общество пока молчало и утоляло свою жажду послѣ тя-

желаго перехода по пути—дороги пахучей китайской листвою. Первые двое не могли нарушить этого молчанія потому, что небыли такъ словоохотливы на лонѣ природы, а остальной ихъ спутникъ все еще былъ глубоко сосредоточенъ на какомъ-то своемъ внутреннемъ міросозерцаніи: Но вотъ отдохнувъ нѣсколько за теплымъ чайкомъ, онъ слегка оживился и властно встряхнулъ золотистыми волосами на головѣ своей.

— Теперь ребята на отдыхъ, сказалъ онъ двумъ своимъ товарищамъ по путешествію, а я останусь на часахъ...

— Какже это такъ, ваше благородіе? возразилъ одинъ изъ двухъ остальныхъ, - намъ этого нельзя... Вы идите въ палатку, а мы останемся на своемъ мѣстѣ...

— Дѣлайте что вамъ приказываютъ!.. Идите спать... Мы здѣсь заночуемъ... Я остаюсь на часахъ...

Тѣ безропотно подчинялись голосу своего начальства, а молодой человѣкъ, съ офицерскими погонами на кителѣ, остался внѣ палатки.

— Я хочу испытать все, какъ Наполеонъ, смѣнившій своего часоваго на посту, говорилъ онъ самъ себѣ. И взявъ шпагу на голо, онъ сталъ ходить подлѣ палатки, въ которой уже скоро послышался дружный храпъ двухъ усталыхъ солдатъ... Межъ тѣмъ ночь уже вступила въ свои права. Гдѣ-то въ отдаленіи трещалъ карастель, а отъ подошвы горы поднимался къ верху пискъ кулика. Природа какъ бы задремала, все стихло кругомъ, лишь легкая тяга съ моря прохладнаго воздуха тихо шелестила верхушками лиственныхъ породъ кустарника, раскинутаго по горосклону внизъ, до лона водъ. Весенняя же ночь на южномъ берегу Финскаго залива была настолько прозрачна, ясна, что сквозь ея чистый сумракъ можно было видѣть все не принуждая глазъ на весьма далекое пространство, различая тамъ предметы сѣверной флеры...

Мертвящая тишина, окрестъ лежащая, однако, сильно давала себя чувствовать превилигированному часовому чѣмъ-то таинственнымъ, и онъ прислушиваясь

къ ней поминутно озирался кругомъ и упорно всматривался въ каждый отдаленный предметъ. Но чѣмъ дальше продолжалось его вниманіе, тѣмъ больше ночь казалось ему таинственной, и чѣмъ продолжительнѣе онъ всматривался въ даль, тѣмъ утомительнѣе становилось его вниманіе.

Такъ продолжалось довольно долго. Пока сила впечатлѣнія молодого офицера могла бодрствовать, онъ еще продолжалъ всматриваться въ таинственно молчавшіе предметы. Но когда эта ночная тишина взбушевала нервы человѣка, напряженные такъ долго въ неизвѣданной тайнѣ единаго впечатлѣнія, тогда онъ постепенно сталъ волноваться самъ съ собою и говорить себѣ какіе-то упреки за какую-то слабость, малодушіе... Подшпоривая себя такимъ образомъ привилегированный часовой началъ быстрѣе совершать свое мѣрное, точно ритмическое движеніе подлѣ палатки и проворнѣе дѣлать обороты на концѣ линіи своего движенія. При этомъ онъ точно какъ бы вздрагивалъ. Было ли это влі-

яніе влажной атмосферы, проникшей ему подъ китель и щекотавшей его нѣжное тѣло, или же нервная дрожь, вызванная упорной тишиною вокругъ и напряженнымъ его вниманіемъ, серьезно сосредоточенномъ на этой тишинѣ. Сказать объ этомъ—что это было—могъ только онъ самъ, а мы лишь беремъ здѣсь его внѣшнія проявленія своего движенія. Все это, конечно, тяжело отзывалось на изнѣженномъ воспитаніемъ своимъ человѣкѣ впервые можетъ быть въ жизни своей взявшемъ на себя столько не подходящаго физическаго труда, какъ продолжительный путь въ теченіи предшествовавшаго дня, тяжелая ноша своихъ походныхъ принадлежностей и потомъ еще безъ отдыха ночной постъ часового. Всякому станетъ понятно, какъ трудно все это безъ привычки перенести человѣку нѣжной складки и онъ уяснитъ себѣ состояніе привилегированнаго часоваго. Но было ли это желаніе утомлять себя непосильнымъ трудомъ искреннѣе у молодого человѣка, сказать трудно, потому что въ немъ больше

было видно пытливости, стремленія пере-испытать все на себѣ, чѣмъ намѣренія облегчить трудъ другихъ людей. Да это и понятно почему. Здѣсь онъ былъ самъ себѣ командиръ и своимъ спутникамъ начальникъ, а въ Петербургѣ ему, напротивъ, приходилось подчиняться общимъ правиламъ военнаго устава и исполнять приказанія высшаго своего начальства. Здѣсь онъ поступалъ такъ, какъ говорило ему внутренне сознаніе, а тамъ онъ дѣлалъ то, что предписывало ему правило, форма. Тутъ ни кто не осудитъ его за самоиспытанія на посту рядового, а тамъ онъ этого не могъ сдѣлать изъ видовъ общаго порядка вещей дисциплины. Предписывая себѣ теперь дѣлать все, что дѣлаетъ всякій рядовой, онъ этимъ только хочетъ уяснить передъ собою тотъ долгъ чести, который несетъ на себѣ постоянно простой солдатъ. И онъ это уяснилъ. Превозмогая себя теперь на часахъ, онъ хочетъ выдержать свой искусъ до конца.

Прошло такъ время уже за полночь... Вечерняя аврора давно облобызала утрен-

нюю свою подругу. Усталый храпъ солдатъ въ палаткѣ раздавался съ большой силою. Это только отчасти нарушало общую тишину въ ночи и слегка успокоивало волнующіеся нервы часового. Но это только на время. Въ общемъ-же силы молодого офицера были страшно надорваны и онъ переносилъ свой искусъ. Уставъ ходить по одной прямой линіи съ поворотомъ „кругомъ маршъ", онъ уже опустился на землю и надумалъ отдохнуть тутъ. Держа шпагу на голо, онъ еще вынулъ изъ кармана пистолетъ и положилъ его передъ собою. Вскорѣ это положеніе привилегированнаго часоваго увлекло его до того, что онъ опустивъ голову на руки, опертые на рукоятку шашки, воткнутой концемъ въ землю, быстро забылъ все окружающее и увлекся мыслями куда-то далеко далеко... Въ этотъ моментъ передъ нимъ стали планомѣрно выступать вѣка минувшихъ временъ съ ихъ эпизодическими событіями дня и производить свои эволюціи на фонѣ общественно - государственной жизни... Истори-

ческія событія здѣсь играли первую роль. Они выступали передъ нимъ ярче и рельефнѣе. Все это происходило тутъ какъ на яву; всѣ образы, здѣсь выступавшіе, казались ему живыми. Вотъ, напримѣръ, передъ его взоромъ проходятъ полки Шведовъ, раззорявшіе русскую землю съ 1612 по 1617 годъ, вотъ приблизился къ Кронштадту англійскій флотъ въ 1855 году и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ въ береговые баттаре Финскаго залива, произвелъ здѣсь десантъ. Русская кавалерія, слѣдившая за движеніемъ флота вдоль береговъ, вступила въ борьбу съ десантомъ и у нея завязался ожесточенный бой на холодномъ оружіи. Нашъ усталый часовой видитъ все это на яву. Не чувствуя своей слабости въ этотъ моментъ его жизни онъ спѣшитъ какъ другъ Россіи на помощь войскамъ, соотечественникамъ, уже ставшимъ отступать передъ англійскимъ десантомъ и, вскочилъ на бѣлаго коня,—подведеннаго ему деньщикомъ его, летитъ въ ряды русской кавалеріи. Принявъ на себя командова-

ніе ею, онъ быстрымъ натискомъ атакуетъ непріятеля и разбиваетъ его на голову. Борьба, такимъ образомъ, кончилась. Русскія войска ликуютъ, кричатъ ура, музыка играетъ побѣдный маршъ, а пѣсенники поютъ, „громъ побѣды раздавался“!..

Увлеченный своимъ успѣхомъ нашъ часовой вскакиваетъ съ земли, на которой онъ прикурнувъ, дѣлаетъ выпадъ впередъ и, крикомъ „ура“, стрѣляетъ изъ пистолета на воздухъ...

Нарушенная такимъ образомъ ночная тишина огласилась громкимъ крикомъ человѣка и потряслась сильнымъ пистолетнымъ выстрѣломъ...

— Что такое? непріятель, ваше благородіе, наступаетъ? громко спросили своего офицера солдаты, опрометью выбросившіеся вонъ изъ палатки, когда пистолетный выстрѣлъ наполнилъ гуломъ пространство...

— Нѣтъ... ничего... смущенно проговорилъ офицеръ, весь блѣдный съ лица и дрожащій какъ въ лихорадкѣ,— я видѣлъ здѣсь...

— Кого, ваше благородіе? испуганно спросили солдаты.

— Не пріятеля...

— Не пріятеля!.. гдѣ онъ? Бей его на смерть! И солдаты бросились къ оружію...

— Стойте! закричалъ офицеръ,—я видѣлъ здѣсь не пріятеля кажется, воснѣ...

— Какъ воснѣ? развѣ на часахъ спятъ?

— Да, я преступилъ передъ дисциплиною, ребята... Меня слѣдуетъ наказать...

— Вы уже себя наказали, ваше благородіе, тѣмъ, что всю ночь безъ сна оставались. Идите-ка опочивать, а мы здѣсь на часахъ по будемъ. А то на васъ лица нѣтъ, точно человѣкъ послѣ испуга, или мертвецъ настоящій... Иди-те-ка отдохните, сказалъ одинъ изъ деньщиковъ офицера и предложилъ ему движеніемъ руки послѣдовать въ палатку.

Тотъ, какъ провинившійся школьникъ, послѣдовалъ слову своего деньщика и скрылся за холщовой перегородкой...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже храпѣлъ богатырскимъ сномъ, разнося свои носовые звуки по тихо-молчащей окрестности морскаго берега.

V.

Бѣлый конь.

Уже наступило теплое весеннее утро. Заря съ зарей сошлись и, облобызавшись, какъ родныя сестры, своимъ огненнымъ поцѣлуемъ встрѣтили ярко-золотистое солнце, восходящее надъ заснувшей было на время короткой майской ночи усталой отъ продолжительнаго бдѣнія минувшаго длиннаго дня ликующей свой утренній разсвѣтъ по веснѣ сѣверной природы. Двое деньщиковъ, спящаго еще въ палаткѣ молодого офицера, давнымъ-давно уже согрѣли на сильномъ огнѣ горящаго костра утренній чай и поджидали къ нему своего почивающаго начальника. Но онъ все еще спалъ. Утомленный предшествовавшимъ днемъ и безпокойной ночью, на дѣлившей его тяжелымъ

сномъ на яву, какъ ужаснымъ кошмаромъ, упавшимъ на его молодую, впечатлительную голову, онъ лежалъ на маленькой походной койкѣ, сдѣланной изъ парусины и тонкихъ деревянныхъ козелъ, поставленныхъ на землю въ палаткѣ точно недвижимый автоматъ съ механизмомъ въ нутри его, высоко поднимавшимъ взволнованную своимъ сномъ молодую грудь рыцаря. И деньщики, украдкой посматривая на него въ палаткѣ, не смѣли нарушить его блаженный сонъ. Даже бесѣду между собою они вели шопотомъ, чтобы не нарушить покой своего господина.

А между тѣмъ солнце уже взошло надъ ихъ головами довольно высоко и имъ нужно было двинуться въ дальнѣйшій путь. Чтобъ достигнуть къ вечеру намѣченнаго пункта, имъ еще нужно было пройдти почтенную дистанцію. Растояніе это они могли одолѣть только къ вечеру. При ихъ походной амуниціи, тяжелой самой посебѣ и обременительной въ жаркую пору времени лѣта тѣмъ болѣе они, не могли совер-

шать большихъ переходовъ и часто должны были дѣлать легкія передышки. А на это требовалось не мало времени. Межъ тѣмъ утренняя прохлада, по которой можно было совершить первый переходъ значительно легче, уже давно миновала и полуденное солнце приближалось къ нимъ каждую минуту.

Деньщиковъ это очень безспокоило. Они, чтобы не замедлить свой подъемъ съ лагеря, поспѣшали кои какія вещи укладывать въ ремни. Это нарушало обсолютный покой въ палаткѣ и разбудило ихъ благородіе.

— Что ребята, долго я спалъ?

— Ни какъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, отозвался одинъ изъ деньщиковъ.

— Какъ нѣтъ, я вижу солнце уже взошло довольно высоко.

— Это ничего незначитъ-съ. Оно спѣшитъ своей дорогой, а мы пойдемъ своей.

— А пора уже въ походъ?

— Пора бы.

— Какъ же ты говоришь, что я недолго спалъ?

— Недолго, ваше благородіе. Для насъ это было бы много а для, вашего благородія оно не долго. Въ походъ же у насъ все готово.

— Молодцы ребята! И выпивъ на скоро стаканъ чая; молодой офицеръ отдалъ приказъ подниматься съ лагеря...

Послѣ нѣкоторыхъ передышекъ, сдѣланныхъ на пути, наши герои уже стали приближаться къ намѣченной ими цѣли... Время межъ тѣмъ уже клонилось къ вечеру. Передъ деревней Малой Бронной, въ которую имъ нужно было войдти на ночлегъ, нашимъ путникамъ повстрѣчался на дорогѣ мѣстный мужичекъ, ведшій на поводѣ молодую, бѣлую лошадь. Увидѣвъ этого коня, начальникъ двухъ остальныхъ людей, узналъ въ немъ своего товарища во снѣ, съ которымъ онъ поражалъ англичанъ на Финскомъ берегу.

— Что застранная случайность? спросилъ онъ самого себя, останавливаясь на мѣстѣ. —Что за не обычайное явленіе, представшее передо мною теперь?

Не ужели это сонъ? Опять сонъ!.. Нѣтъ, это на яву, подтверждалъ онъ, оглядываясь на своихъ бодрствующихъ спутниковъ.—Послушай мужичекъ, спросилъ молодой офирецъ, — это вашъ конь?

— Мой, отвѣтилъ тотъ. — А тебѣ на что? спросилъ онъ его на „ты“, не зная другого мѣстоименія и не вѣдая о томъ, что оно даже существуетъ и для мужиковъ, которыхъ его благородіе называлъ на «вы», памятуя то, что теперь — когда происходилъ этотъ фактъ — шестидесятые годы и всѣ люди въ Россіи высочайшимъ манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ сравнены въ своихъ гражданскихъ правахъ.

— Нѣтъ... я такъ... смущенно отвѣтилъ офицеръ и оглянулся еще разъ на своихъ спутниковъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что это происходитъ на яву. — А много ему лѣтъ? дополнилъ свой вопросъ его благородіе.

— Да четвертый годокъ только пошелъ, умительно выговорилъ мужичекъ. — Онъ у меня доморощенный. Мать

его околѣла прошлымъ годомъ, такъ вотъ теперь онъ замѣнилъ мнѣ ее.

— Это жеребецъ.

— Такъ точно-съ. И мать такая-же бѣлая была у него, словоохотливо отозвался мужикъ, чувствуя, что ему пріятно вести рѣчь о своемъ другѣ—жеребчикѣ, раздѣлявшемъ съ нимъ теперь всѣ полевыя работы. Я его холю лучше самого себя. Это у меня вся краса дома. Только одно такое сокровище и есть у меня.

— Да это и видно, что онъ не по тебѣ, замѣтилъ офицеръ.

— Не по мнѣ батюшка, это вѣрно. Я вонъ какой чахлый и голоногій, а онъ у меня бравый, холеный красавецъ Я ужъ больно люблю его. Послѣдній свой кусокъ хлѣба отдаю ему, чтобъ только накормить его. Вотъ почему онъ у меня такой красавецъ и вышелъ. А что бы выругать его когда нибудь и за что нибудь, я себѣ не позволю, ни когда не допущу: это было бы противъ моей совѣсти.

Съ этимъ разговоромъ наши путники

уже давно вошли въ деревню—Малая Бронная и подошли къ дому Никиты, ведшаго бѣлаго коня подъ-усцы.

— У васъ можно будетъ переночевать намъ, спросилъ молодой офицеръ, обращая свою рѣчь къ владѣльцу бѣлаго коня, который уже сталъ уходить къ себѣ во дворъ, уводя притомъ за собою бѣлую лошадь.

А почему-жъ нельзь... Деревня большая мѣсто найдется для всѣхъ, отвѣтилъ мужичекъ, не сообразивъ того, что мѣстоименіе „вы“ относилось къ нему, а не ко всей деревнѣ.

— Да я хотѣлъ бы у васъ имѣнно, въ вашей хатѣ...

— Въ моей?... что-жъ... и это можно... Она у насъ теперь пустая... мы всѣ на сѣновалѣ спимъ... Лѣтомъ-то у насъ избы пустыя стоятъ. Отчего-же не переночевать... можно... пожалуйте...

И офицеръ вошелъ въ избу гостепріимнаго мужичка. Но она оказалась настолько не привлекательною по своему внутреннему убранству, съ земляным полом и съ черными отъ ко-

поти стѣнами, что онъ тотчасъ-же вышелъ вонъ изъ нея. По этому нашимъ путешественникамъ вновь пришлось расположиться на ночлегъ лагеремъ на открытомъ мѣстѣ, передъ избою Никиты.

VI.

Малая Бронная.

На слѣдующій день молодой офицеръ, влекомый не исповѣдимой судьбою остаться въ деревнѣ, у Никиты на все лѣто своихъ топографическихъ работъ на Финскомъ побережьѣ, по предмету которыхъ онъ сюда прибылъ со своимъ небольшимъ штабомъ, снялъ у владѣльца бѣлаго коня хату и отдѣлалъ ее на свой счетъ такъ, какъ ему было желательно, причемъ онъ въ избѣ наслалъ полъ, оклѣилъ стѣны обоями и покрылъ домъ тесемъ, снявъ съ него гнилую солому... Устроившись такимъ образомъ, онъ остался жить въ Бронной:

Деревня эта лежитъ на Нарвскомъ тракту, между Ораніенбаумомъ и Красной горкой, въ семидесяти верстахъ отъ Петербурга. Ея историческое прошлое относится ко времени князя Меньшикова русскихъ поселеній въ завоеванной имъ въ 1704 году Ингерманландію и подаренной ему Петромъ Великимъ. Когда-то процвѣтавшія въ старину эти поселки теперь страшно опустились въ экономическомъ отношеніи и въ конецъ потеряли свой первородный этнографическій обликъ. Это паденіе ихъ началось послѣ того, какъ смерть Петра I и Екатерины I повлекли за собою при русскомъ дворѣ нѣмецко-бироновскій духъ правленія въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ и виновникъ этихъ поселеній въ Ингерманландіи князь Меньшиковъ былъ сосланъ въ Березовъ на поселеніе, а имущество его все было конфисковано, взято въ казну, въ томъ числѣ и Ораніенбаумскій его домъ и всѣ русскіе поселки на Нарвскомъ тракту до Малой Бронной включительно.

Переходя изъ рукъ въ руки, къ вла-

дѣльцу отъ владѣльца изъ нерусскихъ дворянъ, Малая Бронная вѣками истощалась этими людьми въ конецъ и къ 1861 году, когда послѣдовало освобожденіе крестьянъ въ Россіи, она была доведена крѣпостниками до полнаго экономическаго упадка, въ которомъ и оставалась до тѣхъ поръ, пока не появился въ ней нашъ путешественникъ и не остался здѣсь на лѣтнее время для собственныхъ топографическихъ работъ на южномъ Фи́нскомъ побережьѣ.

Убогій видъ Малой Бронной, крайне растрогалъ новаго гостя деревни, нашего молодого путешественника... Онъ ни какъ себѣ не могъ представить, чтобъ люди культурной страны, какъ Россія, живущіе на виду у ея столицы, могли такъ бѣдно жить. Убогія избушки, вросшія въ землю точно подвалы, засыпанные черно-землистой гнилой соломою, отсутствіе скота у крестьянъ, ихъ голые наполовину и грязные какъ дикари дѣти внушали полное состраданіе ближняго.

Видя эту тяжелую для себя картину,

онъ немогъ равнодушно переносить ее. Встрѣчая постоянно въ деревнѣ тощихъ дѣтей, въ грязныхъ и рваныхъ рубищахъ безъ нижняго бѣлья, онъ обращался къ ихъ матерямъ съ вопросомъ: по чему онѣ держатъ своихъ дѣтей такъ неряшливо.

— А какъ ихъ еще держать-то? отвѣчали бабы.

— Да надѣвали бы на нихъ хоть какія нибудь штанишки, возражалъ имъ молодой офицеръ.

— А гдѣ ихъ взять-то—штанишекъ-то. У насъ ни чего нѣтъ: земли мало, оброкъ большой, заработать негдѣ, все дорого, купить не начто, ѣсть самимъ нечего... До штанишекъ ли тутъ.

Такой отвѣтъ бабы поразилъ нашего героя въ самое сердце. И онъ, чтобы облегчить себя отъ внутренней боли, прежде, чѣмъ заняться своими топографическими работами на Финскомъ побережьѣ, на другой-же день послѣ этого разговора съ жительницами деревни, пріютившей его на лѣтнее пребываніе, не сказавъ ни кому ни слова,

одинъ пѣшкомъ отправился въ городъ Ораніенбаумъ и, на купивъ тамъ на всѣ наличныя у него деньги разнаго хлѣба, ситца и сарпянки, привезъ все это на особо для этой цѣли взятой лошади въ Малую Бронную и роздалъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Дѣти при этомъ получили отъ него гостинцы въ видѣ пряниковъ и бѣлаго хлѣба а бабы—ситецъ и сарпянку на платье себѣ и на одежду для малютокъ.

Отсюда нашъ герой получилъ въ Малой Бронной прозвище „бѣлаго дядиньки“ для дѣтей такъ какъ, онъ постоянно все лѣто ходилъ во всемъ бѣломъ—и въ кителѣ и въ фуражкѣ,—а для взрослыхъ—„святого человѣка“. По этому ему бывало стоило только гдѣ нибудь появиться на виду у жителей деревни, какъ уже дѣти всѣ направлялись къ нему толпою и сопровождали его по всюду. При этомъ онъ ихъ ласкалъ, распрашивалъ объ ихъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ, надѣлялъ чѣмъ могъ: деньгами или лакомствомъ. Если у него не случалось ни чего въ дан-

ный моментъ, то онъ обѣщалъ ихъ вознаградить за всѣ ихъ ласки къ нему завтра и, обыкновенно, сдерживалъ свое слово. Это такъ сблизило молодого офицера съ жителями Малой Бронной, что онъ входилъ въ малѣйшее ихъ домашнее положеніе и всегда снабжалъ тѣмъ, въ чемъ они нуждались. Разъ какъ-то онъ зашелъ въ избу одного малобронца и замѣтилъ у него въ переднемъ углу на мѣстѣ святыхъ иконъ какое-то лютеранское изображеніе.

— Что это у васъ такое? спросилъ онъ хозяина дома.

— Образъ, отвѣтилъ тотъ.

— Да вы православные?

— Православные.

— Такъ какъ же у васъ не православный образъ-то?

— Это намъ пасторъ изъ чухонской кирки далъ. Мы къ нему въ кирку богу-то молиться ходимъ. А своя-то церковь у насъ за двадцать верстъ. Тогда какъ кирка-то подъ-рукой. Ну а за двадцать верстъ развѣ мужику есть время ходить

Богу молиться. Вотъ мы въ кирку и ходимъ. Да и пасторъ-то у насъ очень хорошій человѣкъ. Онъ намъ проповѣди на чухонскомъ языкѣ читаетъ.

— А вы развѣ говорите по чухонски?

— Даже лучше чѣмъ по русски. Мы и молитвы-то чухонскія всѣ знаемъ.

— А русскія?

— Нѣтъ. Кто-же насъ учить-то этому будетъ? мы не грамотные.

— Ну а чухонскія то какъ выучили?..

— Да по чухонски-то мы читаемъ.

Все это повѣствованіе мужика такъ опечалило молодого офицера, что онъ тутъ-же рѣшилъ начать обучать бронскихъ дѣтей грамотѣ. А чтобы дать сдѣшнимъ крестьянамъ случай имѣть у себя православныя образа, такъ онъ нарочно поѣхалъ въ Петербургъ и накупилъ тамъ разныхъ иконъ. Освятивъ ихъ въ какой-то изъ церквей, онъ привезъ ихъ въ Малую Бронную. Потомъ собравъ къ себѣ всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ, онъ роздалъ имъ по одной иконѣ на избу, завѣщавъ при этомъ молиться только образамъ восточно-право-

славной церкви. Завѣтъ этотъ мужики сохранили для себя свято. И поныне они молясь этимъ образамъ, вспоминаютъ „Бѣлаго барина", какъ они его привыкли называть, не зная его настоящаго имени и не справляясь о немъ особенно.— Знаемъ мы что онъ человѣкъ Божій, ну и довольно съ насъ говорили малобронцы.

Да „Бѣлый баринъ" дѣйствительно былъ „человѣкъ Божій". Онъ все, что получалъ на себя въ Петербургѣ въ видѣ ежемѣсячнаго его содержанія, отдавалъ этимъ бѣднымъ крестьянамъ. Содержа ихъ цѣлое лѣто на свой счетъ, онъ самъ питался только парою куриныхъ яицъ въ сутки и однимъ стаканомъ коровьяго молока. Деньщиковъ-же онъ содержалъ хорошо.

Былъ такой еще случай съ нимъ въ Малой Бронной. Ведя компанію съ крестьянскими дѣтьми онъ узналъ, что у одного изъ мальчиковъ мать была больна и ей не чѣмъ было кормить груднаго ребенка. Онъ тотчасъ-же отправился въ

сосѣднюю деревню и, купивъ тамъ корову, привелъ ее больной матери.

Подобнаго рода случаевъ въ Малой Бронной „съ Бѣлымъ бариномъ“ было не мало. Онъ какъ-то разъ еще, обходя деревенскіе дворы, замѣтилъ, что у одного изъ мужиковъ на сохѣ сошники были сломаны. Онъ, не говоря ему ни слова, на утро-же другого дня отправляется въ Ораніенбаумъ и, купивъ тамъ сошники, привозитъ ихъ мужику. Тотъ, конечно, ему въ ноги благодарить, а онъ ему отвѣчаетъ: благодари Бога, что онъ послалъ меня къ вамъ...

Отсюда уже въ Малой Бронной стали говорить о молодомъ офицерѣ, какъ о Божьемъ человѣкѣ. Слава эта прошла о немъ и по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ. Оттуда также стали къ нему обращаться за всякой помощію. И онъ сколько могъ, имъ помогалъ. Словомъ, не было случая, что бы онъ отказалъ кому нибудь изъ крестьянъ въ своей посильной помощи.

Будучи какъ-то разъ за время этого лѣта въ Петербургѣ, куда онъ ѣздилъ

ежемѣсячно за полученіемъ своего содержанія, молодой человѣкъ даже ходатайствовалъ было и передъ кѣмъ слѣдуетъ о сооруженіи для малобронскихъ крестьянъ православнаго храма, и ему, говорятъ, обѣщали это сдѣлать, но обѣщанія эти такъ и остаются до сихъ поръ обѣшаніями малобронцы и по нынѣ не имѣютъ своего храма Божія и по прежнему продолжаютъ платить деньги нѣмецкимъ пасторамъ... Усвоивъ себѣ чухонскій языкъ лучше русскаго, всѣ крестьянѣ Малой Бронной говорятъ на этомъ языкѣ во всѣхъ случаяхъ своей повседневной жизни. А русскій языкъ они знаютъ какъ чухны, а не какъ русскіе люди. Поэтому они хорошо знали всѣ чухонскія былины, сказки и пѣсни, но незнали ни чего въ этомъ родѣ русскаго. Это такъ огорчало постоянно молодого офицера, что онъ не разъ собиралъ къ себѣ малобронскихъ крестьянъ и совѣтовалъ имъ держаться русскаго языка, своихъ пѣсенъ и былинъ, бросивъ все чухонское.

— Но какъ же мы оставимъ эго от-

вѣчали они ему если мы съ этимъ сроднились вѣками, приняли это отъ отцовъ своихъ и усвоили собственнымъ опытомъ жизни..

Съ этой цѣлью, чтобъ отвлечь малобронцевъ отъ ихъ не русскихъ привычекъ, молодой офицеръ началъ ихъ учить грамотѣ, читать имъ православныя молитвы и толковать ихъ значенiе. Въ этомъ ему не мало содѣйствовали и его двое деньщиковъ, которыхъ онъ еще въ Петербургѣ обучилъ грамотѣ. Они учили малобронскихъ мальчиковъ азбукѣ. А какъ скоро тѣ усваивали себѣ букварь, они, тотчасъ-же переходили на письменныя работы. Учились-же дѣти при забавѣ, при играхъ, но безъ принужденiя, безъ угрозъ. И это дало блестящiе результаты такого свойства, что мальчики въ одно лѣто выучивались и читать, и писать. А это уже потомъ дало случай при охотить ихъ къ русскимъ сказскамъ, былинамъ и пѣснямъ. Молитвы-же имъ молодой офицеръ преподавалъ особо, самъ, въ арендованной имъ у Никиты избѣ, куда они

собирались по вечерамъ каждаго дня и гдѣ ихъ «Бѣлый дяденька» угощалъ всякими лакомствами. Отсюда, конечно, и самое ученіе шло успѣшно, и дѣти отличались полнымъ прилежаніемъ. Къ тому-же ласка «Бѣлаго дядиньки» плѣняла ихъ своей простотою отношеній, чего они ни когда не могли ожидать отъ человѣка выше ихъ стоящаго по своему положенію. И только это все вмѣстѣ взятое пріохотило дѣтей къ грамотѣ, прилипило ихъ къ молодому офицеру и пріучило держать себя просто, свободно, беззастѣнчивости съ людьми не ихъ низкой марки.

Связь, такимъ образомъ между «Бѣлымъ дядинькой» и малобронскими дѣтьми установилась очень прочная. Полное довѣріе малютокъ къ своему доброму наставнику было безграничное. Это часто давало молодому офицеру случай проникать въ домашнія нужды дѣтей и помогать имъ всѣмъ, чѣмъ онъ могъ. На такой подвигъ добра и благожеланія у него хватало и средствъ матеріальныхъ, и знаній научныхъ. И какъ

свѣтлая точка на темномъ фонѣ жизни мѣстнаго общества нашъ герой блестѣлъ своимъ ореоломъ величенія. Какъ человѣкъ, развитѣе всѣхъ другихъ, его здѣсь окружавшихъ, онъ постоянно могъ разобраться во всѣхъ вопросахъ жизни, до мѣстнаго общества относящихся. Не было примѣра въ такихъ случаяхъ, когда его касалась та или другая нужда малобронцевъ, чтобы онъ не вышелъ изъ нея побѣдителямъ. На славу свою среди мѣстныхъ людей молодой офицеръ всегда отличался быстротою своихъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась людямъ данная помощь. Онъ удовлетворялъ жажду алчущихъ въ тотъ моментъ ея движенія, когда она была въ наибольшемъ напряженіи своихъ дѣйствій. Все это такъ поражало крестьянъ, что они изумлялись всесилію этого «Божьяго Человѣка», какъ они его называли, и восторгались всѣми его человѣколюбивыми поступками.

Однажды заболѣла въ Малой Бронной старушка—мать одного изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ деревни. Не видя ее, «Бѣлый

Человѣкъ» несется съ духомъ освободителя отъ оковъ несчастнаго узника смерти въ городъ Ораніенбаумъ и, посовѣтовавшись тамъ съ докторомъ привозитъ всѣ необходимыя лѣкарственныя средства для больной. Давъ ей разъ лѣкарства, онъ сталъ слѣдить за ходомъ его дѣйствій, отмѣчая малѣйшія колебанія въ болѣзни старушки и доводя свои наблюденія до конца.. Черезъ три дня подъ его наблюденіемъ больная совершенно оправилась и вмѣстѣ съ нимъ принесла передъ Спасителемъ міра благодарственную Господу Богу молитву.

Такое чародѣйство молодого офицера, малобронцы относили къ всесильной милости Божіей. Такъ, по ихъ мнѣнію, могъ дѣйствовать лишь угодный Господу человѣкъ. Отсюда, конечно, за нашимъ героемъ укрѣпляется имя всеисцѣлителя-врача. Благодаря такой славѣ, къ нему стали являться болящіе и изъ другихъ русскихъ сосѣднихъ деревень. Узнавъ объ этомъ, пасторъ „чухонской кирки", въ которую малоброн-

цы ходили совершать свою молитву, какъ православные люди, за отсутствіемъ у нихъ по близости своего храма Божія восточной церкви, возымѣлъ къ молодому офицеру страшное негодованіе, потому что онъ отклонилъ отъ него всѣхъ православныхъ христіанъ. Ненависть эта дошла у пастора до того, что онъ донесъ объ этомъ „Бѣломъ человѣкѣ“ куда слѣдуетъ... Но тамъ отнеслись къ этому донесу съ мудрымъ благоразуміемъ и оставили малобронскаго чародѣя безъ огорченія его какимъ либо внушеніемъ по даннымъ человѣколюбивымъ дѣйствіемъ... Это еще болѣе укрѣпило вѣру его не порочность всѣхъ русскихъ крестьянъ, молодого офицера знавшихъ. Его болѣе только полюбили эти люди за все прощеніе своимъ врагамъ, когда они узнали, что онъ не питаетъ ни какого не удовольствіяпротивъ пастора, на него донесшаго...

Такъ укрѣпилось мнѣніе малобронцевъ въ святодѣятельность нашего героя; такъ увѣровали они въ его все-

любовь къ человѣчcству, замѣтивъ въ немъ высшую добродѣтельную душу, всепрощающую всѣмъ.

Преднамѣреннаго-же въ своихъ добродѣтельныхъ поступкахъ молодой офицеръ ничего не имѣлъ. Какъ человѣкъ прямодушный, съ русскимъ сердцемъ и герой вообще, онъ поступалъ здѣсь чисто по рыцарьски, повлеченію своей души. Мудрый отъ природы и воспитанный прямо добро онъ легко могъ понимать нужду ближняго, проникать въ святыя святыхъ человѣка и узнавать его людскіе недуги также скоро, какъ бы и спеціальный врачъ. Его хотя еще непродолжительная по своему прошлому жизнь была, одного, полна опыта и богата своими начертаніями, глубока и поучительна всякими дѣльными познаніями, научно-внимательнымъ путемъ пріобрѣтенными. А это уже, конечно, давало ему случай быть всегда въ курсѣ своихъ побужденій, желаній. И не было не было примѣровъ, чтобы онъ ошибся хотя разъ въ своихъ начертаніяхъ, въ своемъ преднамѣреніи сдѣ-

лать добро человѣку въ данномъ направленіи. Всегда онъ здѣсь попадалъ прямо въ цѣль; всегда нужда человѣка въ корнѣ ея. Ни когда онъ не ошибался въ истинности того, что требовалось для бѣдняка, чѣмъ онъ былъ экономически болѣнъ.

Такой обширный умъ, постигающій все и вся, легко былъ понятъ малобронцами въ „Бѣломъ Человѣкѣ“ и оцѣненъ ими по своему. Такъ это «по своему“ оказалось крѣпко, что память о немъ, Божьемъ Человѣкѣ, сохранилась въ Малой Бронной и до сихъ поръ, и сохранится она вовѣкъ: такова память русскаго человѣка о, добрѣ, принесенномъ ему другимъ; такъ онъ чтитъ всечеловѣколюбцевъ, не забывая ихъ даже и загробомъ.

Все это было въ свое время всѣмъ хорошо извѣстно о „Бѣломъ Человѣкѣ»; все это намъ хорошо знакомо по его хотя не столь продолжительной, но во всемъ полезной и памятной общественной жизни, дѣятельности. И все это хорошо извѣстно русской исторіи, занесшей

его на вѣчныя скрижали, какъ безсмертнаго по своей государственно-народной службѣ, во всемъ посвященной нашему дорогому отечеству, Человѣка.

VII.

На потографическихъ работахъ.

Проживая въ Малой Бронной каждое лѣто, три года кряду, «Бѣлый Человѣкъ занимался здѣсь топографическими работами по предмету съемки береговой возвышенности Финскаго залива на протяженіи двадцати пяти верстъ, начиная отъ Ораніенбаума и кончая Красной горкой, гдѣ находился военный телеграфъ, проведнный сюда отъ Кронштадта для наблюденія за движеніемъ морскихъ судовъ всѣхъ видовъ и степени и для сообщенія о томъ въ Кронштадтское портовое управленіе... Уходя иногда на свои работы очень рано утромъ далеко отъ своей главной „квартиры“ на нѣсколько верстъ растоянія и оставаясь тамъ въ теченіи всего дня не желая прикончить длиннаго заня-

тія до конца приведенія его въ надлежащую ясность, молодой офицеръ не рѣдко заначовывалъ здѣсь въ дали отъ своей квартиры и все это время посвящалъ себя не усыпному научному труду, дѣлая съемки мѣстностей и занося ихъ на свои карты и чертежи, особо имъ для этой работы придуманные, какъ наиболѣе упрощенные и на имѣніе требующіе для себя научнаго труда человѣка такого занятія, какъ онъ...

Спалъ „Бѣлый человѣкъ здѣсь очень мало, всего три, четыре часа въ сутки; питался-же только двумя, тремя яйцами въ день и однимъ, двумя стаканами молока съ бѣлымъ хлѣбомъ. Но деньщиковъ своихъ онъ кормилъ всѣмъ, чѣмъ можно было включительно до жаренныхъ куръ и кофе со сливками. Такъ онъ любилъ своихъ людей и дорожилъ ихъ здоровьемъ, называя ихъ силы—своими силами; не будетъ ихъ, добавлялъ онъ, не станетъ и моихъ плодовъ здѣшней работы: я безъ нихъ, что безъ рукъ человѣкъ, я съ ними я

—вполнѣ способнѣе на свое дѣло лицо.—Вотъ какъ отзывался молодой офицеръ о своихъ людяхъ. Спалъ онъ съ ними въ одной походной палаткѣ обѣдъ и чай раздѣлялъ также вмѣстѣ. Общительность между ними была тоже очень близкая, почти родственная, на столько простая, что ихъ нельзя было подраздѣлить на бѣлую и черную кость, нельзя было подумать, что это подчиненные и ихъ начальство... Такъ былъ вообще обходителенъ и мягокъ со своими людьми молодой офицеръ, такъ былъ онъ человѣколюбивъ и истинно душевенъ въ обращеніи со всѣми подчиненными. Во всѣхъ случаяхъ недоразумѣвій какихъ либо по своимъ топографическимъ работамъ, онъ ни когда съ людей ни чего не взыскивалъ, никогда деньщиковъ не обозвалъ ни какимъ оскорбительнымъ для нихъ словомъ. Все это онъ умѣлъ обращать въ мягкое назиданіе, на путствіе, въ простые слова, добрые вообще, указующіе солдату путь, по которому онъ долженъ былъ слѣдовать при своемъ дѣлѣ. Это,

своего рода, была какая то не погрѣшимая святыня, не побѣдимая скала въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ, обыкновенно выходитъ изъ себя и можетъ наговариваетъ другому массу дерзостей, оскорбленій и пр. Но нашъ герой былъ чуждъ всего этого. Его не посѣщала злоба вообще и онъ ни въ какихъ случаяхъ не былъ побѣждаемъ злымъ духомъ ни въ чемъ.—Врагъ человѣчества для него былъ слабъ своей силою, чтобъ побороть его духъ всепрощенія и все благоволенія. Нашъ герой самъ побивалъ врага на всякомъ шагу жизни всетерпѣніемъ и всеснисхожденіемъ. Это было для него такъ легко потому, что онъ имѣлъ вполнѣ высокую душу и человѣческое сердце.

Будучи извѣстенъ всей округѣ своимъ добродѣйствіемъ и все чародѣйствомъ, молодой человѣкъ нерѣдко здѣсь на топографическихъ работахъ осаждался нуждающимися и болящими крестьянами изъ сосѣднихъ Малой Бронной деревень, которые просили у него той или другой для себя помощи и онъ

никогда ни въ чемъ не отказывалъ имъ, сознавая вполнѣ, что эти люди безпомощны и беззащитны, а онъ все просимое у него былъ въ силахъ и въ средствахъ для нихъ сдѣлать.

Однажды съ нимъ здѣсь на полѣ былъ такой случай. Къ нему подходитъ какая-то женщина и жалуется на какой-то свой недугъ. Не откладывая свою помощь на долгое время, онъ беретъ чайный стаканъ съ водой, вынимаетъ изъ запазухи свой золотой крестикъ и, осѣнивъ имъ трижды воду въ стаканѣ, даетъ больной этой воды напиться. Потомъ приглашаетъ ее стать на колѣни лицомъ къ востоку и самъ, ставъ тутъ-же рядомъ, начинаетъ читать съ ней Вѣрую воединаго Бога, Отче нашъ и Да воскреснетъ Богъ, и затѣмъ совершивъ эту молитву передъ Господомъ, онъ отпускаетъ больную съ миромъ, душевно напутствуя ее словомъ утѣшенія, что она завтра-же будетъ здорова. И дѣйствительно та на другой день приходитъ къ нему

на то-же мѣсто благодарить его за исцѣленіе.

Такая „свято-добродѣтельная“ слава о нашемъ героѣ летѣла по свѣту все быстрѣе и быстрѣе и разносила славныя вѣсти о немъ все дальше и дальше. Естественнымъ исходомъ всего этого было то, что молодого офицера стали повсюду сопровождать толпы нуждающихся и болящихъ людей и онъ всѣмъ имъ помогалъ какъ могъ, чѣмъ былъ въ силахъ помочь. Это былъ нѣкоторымъ образомъ источникъ жизни цѣлой округи.

Оставаясь иногда по два, по три дня внѣ Малой Бронной на своихъ съемочныхъ работахъ, онъ порождалъ здѣсь, въ деревнѣ страшныя тревоги о своемъ отсутствіи. И старухи малобронки, въ обществѣ своихъ дѣтей, всѣ беспокоившіеся объ его отсутствіи, выходили за околицу деревни и встрѣчали молодого офицера такими восклицаніями при его возвращеніи сюда домой, какъ вотъ онъ соколъ-отъ нашъ ясный, „батюшка, живъ касатикъ нашъ идетъ опять въ

свою хижину" и т. д. А дѣти межъ тѣмъ бѣжали къ нему на встрѣчу: и, радостно махая руками, кричали: нашъ „Бѣлый дядинька“, нашъ „Бѣлый дядинька идетъ“.—И подбѣжавъ къ нему наскоро, хватали его за одежды, за руки, за его шашку и такъ тащились за нимъ въ припрыжку, радостно приговаривая „дядинька нашъ пришелъ, дядинька нашъ пришелъ“.—И онъ, взявъ ихъ за рученки шелъ съ ними въ деревню отчески разговаривая и распрашивая ихъ о томъ, какъ они жили въ эти дни, когда его не было въ Малой Бронной, учились ли грамотѣ и читали ли тѣ молитвы, которымъ онъ ихъ училъ. И тѣ ему на всѣ эти вопросы отвѣчали охотно, радостно, весело, безъ малѣйшей запинки или опаски, что онъ ихъ станетъ журить за не прилежаніе и не раденіе, сознавая хорошо, что ихъ „Бѣлый дядинька“ ни когда ни кого ни за что ни бранилъ, ни наказывалъ, какъ это другіе люди дѣлали, дѣлаютъ и, вѣроятно, долго еще будутъ дѣлать въ назиданіе по-

томству или въ наказаніе ему за то, что оно родилось не опытнымъ не знающимъ жизни, совсѣмъ невиннымъ агнецомъ...

— И этого то агнца я буду наказывать за то, что онъ не выучилъ своего урока? говаривалъ иногда „Бѣлый человѣкъ“ малобронскимъ крестьянамъ... Его надо при охотить къ этому ласкою, добромъ, а не кулакомъ, не побоями или угрозой, которые только притупляютъ ребенка, дѣлаютъ его нервнымъ, раздражительнымъ, вообще злобнымъ, непохожимъ иногда на человѣка...

Вообще молодой офицеръ поучалъ малобронцевъ добродушію и кротости, скромности и сердечности, добродѣтели и всесмиренію. Показывая имъ примѣръ на себѣ, онъ вполнѣ ихъ убѣждалъ въ этой своей добродѣтельной жизни.

— Только въ этомъ, говорилъ онъ имъ, —вы обрѣтете для себя счастіе въ жизни; только въ этомъ вы спишите въ себѣ покой и радость. А тѣ, которые живутъ злобой и ненавистью къ

другимъ, они ни когда не обрѣтутъ въ себѣ радостей для ихъ жизни, ни когда ни снищутъ въ себѣ покой и наслажденіе. Только въ добродѣтели и во всепрощеніи ко врагу своему человѣкъ можетъ найдти для себя полное счастіе... Незлобивость наша—есть мать человѣческой отрады, покоя и всеблагости не землѣ. Одни враги человѣчества только этого дара Божія не принимаютъ къ себѣ, только они находятъ для себя наслажденіе въ страданіи другихъ людей. Но это не угодное Богу дѣло; это дѣйствіе злого духа, не ищущаго мира на землѣ. Вѣчная радость наша только въ этомъ и состоитъ, чтобы любить другъ друга и помогать ближнему своему.

Весь этотъ завѣтъ „Бѣлаго Человѣка“ малобронцы помнятъ хорошо; они усвоили его себѣ на долгіе времена... Другого помина объ этомъ другѣ человѣчества они не имѣютъ и до сихъ поръ. Это доброе, сѣмя посѣянное на ихъ почвѣ, дало имъ хорошіе плоды въ нравственной жизни. Тѣмъ болѣе,

что „Бѣлый человѣкъ“ поучалъ ихъ общему добру три года къ ряду, не давая имъ заглушать это доброе сѣмя въ своей дѣйственной почвѣ...

Но вотъ что было странно для малобронцевъ: они не знали до сихъ поръ имени и фамиліи своего добраго человѣка; они не безъ основанія могли его считать святымъ, потому что онъ нехотѣлъ даже обнаружить между ними своего имени, чтобы они могли прославлять его добродѣтели передъ Богомъ...

— Господь итакъ знаетъ свое доброе созданіе, говорилъ „Бѣлый Человѣкъ“, — кому онъ поручаетъ попеченіе свое о ближнемъ ему человѣкѣ...

Вотъ какъ онъ мотивировалъ скрываніе своего имени отъ малобронцевъ. Но они узнали его уже очень поздно, когда этого друга человѣчества болѣе не стало въ Малой Бронной. Но мѣстные крестьянѣ и до сихъ поръ помнятъ его добрыя дѣла, не забывая эту свѣтлую личность даже въ своихъ молитвахъ...

VIII.

На порубкѣ казеннаго лѣса.

Съ перваго-же дня своего поселенія въ Малой Бронной, въ домѣ Никиты, нашъ герой сталъ обнаруживать свои заботы о бѣломъ конѣ хозяина дома. Часто онъ бывало заходилъ къ нему въ конюшню, гладилъ его по мордѣ и за давалъ ему корма, купленнаго Никитою на его-же деньги, данные ему съ цѣлью хорошо содержать своего коня. Предчувствую въ этомъ конѣ какую-то великую славу для себя, нашъ герой и прилагалъ къ этому всѣ свои заботы, старанія, чтобы уберечь его своимъ попеченіемъ о немъ на долгія времена въ холѣ и нѣгѣ. Онъ этого достигъ вполнѣ. Откормленный конь выглядѣлъ красавцемъ. Молодой офицеръ часто его бралъ подъ себя и выѣзжалъ на немъ верхомъ. Конь научился подчиняться своему благодѣтелю во всемъ и продѣлывалъ съ нимъ военные пріемы кавалериста. Нашъ герой даже пріучилъ его къ пистолетной

стрѣльбѣ, стрѣляя съ него во время ѣзды верхомъ. Такъ собственно бѣлый конь былъ отчасти обученъ военнымъ артикуламъ.

Забота о бѣломъ конѣ у нашего героя шла и въ томъ направленіи, чтобы владѣлецъ его Никита имѣлъ для него и лучшее помѣщеніе.

— Что это ты, братъ, такъ плохо содержишь своего сивку, говорилъ молодой офицеръ Никитѣ.

— Какъ плохо? изумился тотъ.

— Да, какъ-же? конюшня у него некрытая...

— Да крыть-то не чѣмъ...

— Соломы что-ль нѣтъ?

— Солома-то есть, да жердей вотъ нѣтъ...

— Какъ, жердей нѣтъ? столько лѣсу подъ бокомъ, а ты говоришь жердей нѣтъ.

— Да лѣсъ-то весь казенный, въ немъ взять-то ничего даромъ нельзя.

— Ну вотъ вздоръ какой!.. я все для тебя сдѣлаю: соломы подамъ на

крышу, жердей нарублю и привезу тебѣ...

И вотъ въ одинъ прекрасный день, ночью, молодой офицеръ говоритъ своему хозяину дома Никитѣ: „дайка мнѣ, братъ, твоего сивку, я съѣзжу съ нимъ въ лѣсъ, да жердей нарублю на его конюшню“...

— Что это вы, баринъ, да развѣ такъ можно? еще попадетесь лѣсникамъ, лошадь отберутъ...

— Ну что за вздоръ, давай сивку.

И молодой офицеръ, вооруживъ себя топоромъ, заткнутымъ за ремень на бѣломъ кителѣ сзади, вскочилъ на бѣлаго коня и поскакалъ въ лѣсъ. Ночь была не особенно тёмная, но и не свѣтлая. Ѣхалъ нашъ герой прямо по полю. Замѣтивъ бѣлаго всадника издали, лѣтящаго полемъ по цѣлинѣ, какъ стрѣла по прямому направленію, объѣзжавшаго всякія пути дороги, лѣсникъ принялъ его за привидѣніе и, снявъ шапку, трижды перекрестился, а потомъ, спраздновавъ трусу и, забравъ

свои сторожевые доспѣхи, скрылся со страхомъ въ лѣсную сторожку...

Бѣлый всадникъ, межъ тѣмъ, влетѣлъ въ казенный лѣсъ. И выбралъ тамъ тонкія сосны и ели сталъ рубить ихъ для жердей на конюшню дорогому коню мужика Никиты. Нарубивъ ихъ, онъ привязалъ жерди къ гривѣ лошади по обѣимъ сторонамъ и такъ волокомъ потащилъ ихъ за собою. Но путь по которому онъ въѣхалъ въ лѣсъ, имъ былъ уже потерянъ и онъ долженъ былъ на обумъ выбираться къ полю. Это завлекло его въ такіе дебри, что онъ на летѣлъ на лѣсное болото и завязъ въ немъ. Такъ онъ возился тутъ очень долго, не будучи въ силахъ выбраться самъ изъ тины, ни тѣмъ болѣе высвободить дорогого коня изъ явной гибели. Время шло, такимъ образомъ, напрасно и его усилія спастись собственными силами не привели ни къ чѣму. Межъ тѣмъ въ деревнѣ стали безпокоиться о долгомъ отсутствіи молодого офицера. Деньщики его понудили Никиту идти съ ними въ лѣсъ и

отыскивать тамъ ихъ барина. И вотъ не успѣли они подойти къ лѣсу, какъ услышали тамъ крикъ о помощи. Подойдя къ мѣсту названнаго происшествія, деньщики увидѣли своего офицера барахтающимся въ болотѣ вмѣстѣ съ лошадью.

— Ну, я такъ и зналъ, сказалъ Никита,—что лѣшій заведетъ его въ свое мѣсто. Вѣдь это болото у насъ называется чортовымъ становищемъ. Ну-ка постерегите его ребята, добавилъ Никига—а я сбѣгаю въ деревню за веревками, такъ-то ихъ невыпрешь отсюда.

И «ребята» стали «беречь», а Никита «побѣжалъ».—Вскорѣ онъ возвратился съ веревками и утопленниковъ стали вытягивать на сушу.

— Ну, Никита, сказалъ молодой офицеръ,—твой сивка умнѣе меня: я его вправо тяну поводомъ, а онъ—влѣво лезетъ все. Оказалось, что онъ былъ правъ: въ право то сухой путь, а въ лѣво—болото лежитъ. Такъ что я всему тому причиною, что мы съ твоимъ сив-

кою покупались въ этомъ болотѣ. И если бы не онъ, то намъ утонуть бы совсѣмъ.

— Да, онъ у меня умный, сердобольно отозвался Никита, поглаживая своего дрожащаго отъ испуга коня.—Не бойся, не бойся, мой милый, добавилъ онъ, обращая свою рѣчь къ коню,— теперь больше не попадешь въ болото.

И въ отвѣтъ ему на это конь громко заржалъ, какъ бы торжествуя свою побѣду надъ чертовымъ болотомъ. Это нѣсколько обезспокоило нашихъ героевъ на тотъ случай, чтобы лѣсникъ, услышавъ этотъ голосъ коня, не появился бы къ нимъ съ своимъ дозоромъ. По этому они, поспѣшивъ забрать всѣ жерди, торопливо направились въ деревню.

Отсюда сильная любовь молодого офицера къ бѣлому коню Никиты была уже безграничною. И онъ по этому случаю назначилъ ему десятирублевую пенсію въ мѣсяцъ, и платилъ ее все время пока живъ былъ. По этому Никита содержалъ своего сивку хорошо, въ холѣ

да и самъ на эти средства въ деревнѣ жилъ, можно сказать, безбѣдно. Такъ тянулось время много лѣтъ и «Бѣлый человѣкъ» почти ежегодно по веснѣ самъ наѣзжалъ въ Малую Бронную и удостовѣрялся въ томъ, что добрый мужичекъ держитъ завѣтъ своего бывшаго квартиранта свято и не нарушимо...

IX

Бѣлый конь на войнѣ.

Но вотъ наступивъ 1876 годъ, на Балканскомъ полуостровѣ въ это время возгорѣлось востаніе славянъ противъ турецкаго владычества надъ ними. Сербія, идя воглавѣ этого востанія, объявила открытую войну своему падишаху. Русскій генералъ М. Г. Черняевъ со своимъ небольшимъ штатомъ, состоящимъ изъ офицеровъ Комарора, Монтевердо и Худякова отправились изъ Петербурга въ Бѣлградъ, чтобъ принять тамъ на себя командованіе Серб-

ской арміею, дѣствующею противъ турокъ. Главные силы этой арміи были сосредоточены подъ городомъ Алексинацемъ. Долго здѣсь держались Сербскія войска противъ натиска османлисовъ, постоянно подкрѣпляемые русскими добровольцами, изъ всѣхъ городовъ Россіи направляемыми сюда на благотворительные средства и главнымъ образомъ при помощи нашего славянскаго благотворительнаго общества, затратившаго на это дѣло, кажется, свыше семи милліоновъ рублей. Всѣхъ добровольцевъ въ Сербію было отправлено изъ Россіи свыше двадцати пяти тысячъ человѣкъ.

Но Сербія не устояла-бы долго противу турецкихъ полчищъ, если бы въ апрѣлѣ 1877 года Россія не объявила войну Турціи.

Вотъ это то обстоятельство и побудило нашего героя обратиться къ малобронскому крестьянину Никитѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ его отдать ему своего сивку. Впервые здѣсь Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ,

подписавшійся подъ письмомъ, сталъ извѣстенъ малобронцамъ по его настоящему имени. Письмо это доставили отъ него въ Малую Бронную двое его нарочныхъ, экстренно прибывшихъ за лошадью. Къ немалому удивленію Никиты, они потребовали отъ него не медленно коня за такую сумму, какую онъ только пожелалъ взять за него. Но Никита этого предложенія нарочныхъ почти что не слышалъ; его поразила въ этомъ случаѣ мысль о раставаніи со своимъ сивкою, котораго онъ столько лѣтъ холилъ, съ которымъ онъ дѣлилъ всѣ житейскія горя и радости, и который для него былъ теперь такъ же необходимъ какъ и для рыбы вода, а для человѣка воздухъ. Въ сивкѣ у Никиты была вся его жизнь, вся сила, все его могучество. Безъ него-же онъ будетъ, какъ безъ друга, безъ товарища въ трудѣ человѣкъ безъ помощника для пути его жизни.

Сивка теперь для Никиты былъ всѣмъ, чѣмъ домъ держится мужикъ, чѣмъ крестьянская хата была богата, чѣмъ

славенъ бываетъ всякій сельскій житель: есть у него лошадь—и онъ съ руками, нѣтъ лошади и—онъ бобыль, пропащій человѣкъ, ни куда не годный совсѣмъ.

И Никита заплакалъ. Слезы у него полились ручьемъ. Отказать онъ въ конѣ своему благодѣтелю, который столько лѣтъ высылалъ ему деньги на содержаніе сивки, не могъ, это было бы не справедливымъ по его скромному понятію объ отношеніяхъ людей, и разстаться съ нимъ (съ конемъ) ему тоже было тяжко, потому что онъ, сивка былъ собственное его дѣтище, имъ самимъ воспитанъ, имъ вырощенъ, возлелѣянъ, и съ этимъ-то дѣтищемъ теперь онъ долженъ разстаться?—Нѣтъ, это не возможно, думалъ Никита,—я этого не перенесу совсѣмъ, я осиротѣю безъ него, пропаду на всегда!..

— Да ты можешь купить на эти деньги, которые мы тебѣ дадимъ за коня, не одну лошадь, а сколько хочешь, успокаивали Никиту посланные отъ М. Д. Скобелева и требовали по скорѣй выдачи имъ сивки.—Намъ поручено

тебѣ выдать столько, сколько ты захочешь, дополняли они свою рѣчь.

— Да, я-то ничего нехочу, сквозь слезы отвѣтилъ Никита.—Конь его и потому вы можете взять сивку безъ денегъ, а я не возьму отъ васъ ничего, потому что моя лошадь содержалась вашимъ бариномъ на его собственный счетъ. Много лѣтъ я незналъ о томъ заботы, какъ мнѣ прокормить своего коня, получая отъ него, котораго мнѣ хватало и для себя. А вы говорите «сколько хочешь». Да ничего мнѣ не нужно. Я или отдамъ коня даромъ или совсѣмъ его не отдамъ.

— Ну даромъ - то мы отъ тебя не возмемъ, а совсѣмъ не отдавать коня ты тоже не думай, потому что мы присланы къ тебѣ взять его за что бы то ни было.

— А я ничего не возьму, упорно настаивалъ на своемъ Никита; - или даромъ берите, или вонъ уходите.

— Ну а мы опять таки тебѣ заявляемъ, что ни даромъ не возьмемъ, ни безъ коня не уйдемъ.

Препирательства эти шли довольно долго. Наконецъ Никита уступивъ требованіямъ пославшаго и отдалъ имъ коня за то, что они сами ему положатъ. А положили они ему тысячу рублей и увели сивку. Бѣлый конь, прощаясь со своей родиной и, предчувствуя его историческую будущность, все время, пока онъ былъ веденъ деревнею и дорогою до Ораніенбаума, страшно ржалъ и моталъ головою по сторонамъ. Его бѣдное сердце чувствовало, что его ждетъ славная смерть на полѣ брани и великая память о немъ на всей Руси пространной. А Никита, межъ тѣмъ, оставшись съ деньгами въ рукахъ, долго плакалъ, точно отчитывая себя на томъ свѣтѣ, говоря, что «что я надѣлалъ, зачѣмъ отдалъ моего сивку, зачѣмъ продалъ моего вѣрнаго друга»...

Это случилось, какъ разъ въ то время, когда изъ Петербурга стали отправлять кавалерію въ Болгарію... Получивъ коня, М. Д. Скобелевъ еще послалъ письмо къ Никитѣ, въ которомъ онъ благодарилъ его за коня и обѣщалъ его не за-

бывать пенсіею на сивку и впредь, пока онъ будетъ живъ. Лошадь-же Михаилъ Дмитріевичъ, повыѣздилъ слегка въ манежѣ и пріучилъ ее къ барабанному бою и къ музыкѣ, тотчасъ взялъ съ собой на поле брани... Она при немъ находилась и въ то время, когда русскія войска переходили рѣку Дунай. Онъ берегъ ее какъ зеницу собственнаго ока. За ней ухаживалъ у него постоянно особый ординарецъ. Вышедшая, можно сказать, изъ народа, лошадь эта чувствовала себя сначала очень дико среди, какъ бы, аристократіи коней, но потомъ уже, попривыкнувъ немножко къ своему новому положенію, она освоилась вполнѣ со всѣмъ и держала себя гордо, точно сознавая свое высокое положеніе, въ которое она попала благодаря особенности личности своего новаго хозяина. Это гордѣливое сознаніе коня очень нравилось Мих. Дмит. Скобелеву и онъ еще больше къ нему привязался. Одна мысль была у него: сохранить коня во что бы то ни стало. Для этой цѣли онъ перебралъ въ своей памяти много ученыхъ

сочиненій по такъ называемымъ естественнымъ наукамъ и отыскалъ въ одномъ изъ нихъ такой законъ вещей, по которому бѣлый предметъ подъ лучами солнца находящійся или подъ дневнымъ свѣтомъ пребывающій на разстояніи, положимъ, ружейнаго, выстрѣла, всегда былъ плохой мишенью для стрѣлка, потому что онъ, предметъ этотъ приближалъ цѣль къ мѣсту стрѣлявшаго и потому тотъ, беря ближайшее разстояніе для этой цѣли, всегда билъ черезъ нее, или мимо нея. И кромѣ того еще бѣлый предметъ, взятый стрѣлкомъ для своей мишени, въ силу тѣхъ-же естественныхъ законовъ природы, преломлялъ лучъ зрѣнія у стрѣлка на столько, что тотъ всегда мѣтился мимо него.

Вотъ почему Мих. Дмит. Скобелевъ, зная этотъ физическій законъ природы, и не боялся летать на своемъ бѣломъ конѣ и въ бѣломъ кителѣ въ авангардѣ своего дѣйствующаго противъ турокъ на Балканскомъ полуостровѣ военнаго отряда.

Но эта смѣлость ему, однако была

вмѣнена въ особую военную храбрость или безшабашность, какъ называли ее, подставлять свою голову постоянно подъ выстрѣлы турецкихъ стрѣлковъ.

Когда М. Д. Скобелевъ стоялъ со своимъ отрядомъ подъ Ловчею, въ тылу арміи Османа Паши, засѣвшаго въ Плевнѣ, именно на Софійской дорогѣ, куда турецкій полководецъ долженъ былъ отступать со своимъ войскомъ, чтобъ уйдти отъ плѣна русскихъ, когда они возьмутъ Плевну, то онъ (Скобелевъ), отстаивая свои позиціи такъ какъ не отстаивалъ ихъ ни когда ни одинъ полководецъ въ Европѣ, будучи постоянно самъ на виду у турецкихъ аванпостовъ (т. е. передовыхъ линій арміи) и дѣлая всѣ рекогносцировки подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ, дабы точнѣе уяснить себѣ положеніе не пріятеля, занявшаго передъ нимъ данныя позиціи, всегда служилъ мишенью для турецкихъ стрѣлковъ и тѣ только по немъ исключительно и стрѣляли, когда онъ леталъ впереди своего войска на бѣломъ конѣ, Отъ этихъ-то турецкихъ стрѣл-

ковъ М. Д. Скобелевъ и получилъ название «Бѣлаго Генерала», въ котораго они постоянно стрѣляли по особому приказу своего начальства, но всегда безуспѣшно. Это такъ злило турокъ и они постоянно говорили: охъ ужъ намъ этотъ «Бѣлый Генералъ», никакъ мы не можемъ сразить его.

Но отвага Скобелева ни сколько не замѣчала этихъ турецкихъ выстрѣловъ въ него и постоянно влекла его въ самый пылъ военнаго дѣйствія. И вотъ разъ какъ то при одной изъ страшныхъ вылазокъ арміи Османа-Паши, желавшей такъ или иначе очистить себѣ путь отступленія изъ Плевны на Софію и сбить со своихъ позицій отрядъ «Бѣлаго Генерала», стоявшаго подъ Ловчею, при вылазкѣ турокъ въ двадцати тысячъ человѣкъ, М. Д. Скобелевъ, не посредственно самъ ведя свои войска въ бой съ непріятелемъ и летая передъ ними въ передовыхъ линіяхъ случайно попалъ подъ пулю турецкихъ стрѣлковъ и бѣлый конь его былъ саженъ шальнымъ выстрѣломъ на повалъ. Но самъ «Бѣлый

Генералъ» остался не вредимъ и, вскочилъ на коня одного изъ своихъ трубачей, онъ вновь былъ впереди своего войска и бился съ непріятелемъ на ряду со своими солдатами. Эта храбрость М. Д. Скобелева дала ему полную побѣду надъ османлисами и привела его къ имени непобѣдимаго. И дѣйствительно онъ былъ не побѣдимъ. Хотя эта схватка съ турками и вырвала у него изъ отряда болѣе половины всего войска, но все таки-же онъ отстоялъ свои позиціи и разбилъ отступившаго не пріятеля на голову.

На утро слѣдующаго дня такъ, какъ эта борьба происходила ночью—М. Д. Скобелевъ отыскалъ на полѣ брани своего вѣрнаго коня, такъ рыцарски павшаго трупомъ за своего славнаго сѣдока и за его дорогую родину, и похоронилъ его съ почестью.

Отсюда уже любовь къ бѣлой лошади у Скобелева окрѣпла еще больше и онъ увидѣлъ въ ней для себя истиннаго друга и охранителя его на войнѣ. Оставаясь теперь одинокимъ безъ бѣлаго

друга, коня Никиты, но съ именемъ «Бѣлаго Генерала» и съ не побѣдимымъ полководцемъ, онъ однако-же не измѣнилъ своему бѣлому коню и вновь подыскалъ себѣ бѣлаго жеребца. Но это уже было не то обояніе Скобелева, которое онъ питалъ къ первому своему бѣлому коню; это была, такъ сказать, блѣдная тѣнь того...

X.

Послѣ войны.

Но вотъ наконецъ русско-турецкая война кончилась и М. Д. Скобелевъ уже былъ въ Петербургѣ. Первымъ его дѣломъ здѣсь было послать своего деньщика съ нарочнымъ въ Малую Бронную и извѣстить бѣднаго Никиту о героической смерти его сизки на поляхъ брани, тамъ гдѣ русскія войска сражались съ османлисами за освобожденіе своихъ единовѣрцевъ славянъ отъ многовѣковаго турецкаго ига надъ ними.

При этомъ «Бѣлый Генералъ» не забылъ и о своемъ обѣщеніи выдавать по прежнему Никитѣ пенсію на его сивку даже и по смерти коня, и послалъ ему нѣсколько разновидныхъ кредитокъ.

Бѣдный Никита, получивъ это извѣстіе о своемъ сивкѣ, изрядно всплакнулъ и помянулъ своего благодѣтеля добрымъ словомъ, ни спрашивая на него благодать Всевышняго...

Въ этотъ пріѣздъ «Бѣлаго Генерала» въ Петербургъ, я, пишущій эти строки, встрѣтилъ его разъ на Невскомъ проспектѣ, почти на самомъ углу у Аничковскаго моста, въ тотъ самый моментъ, когда онъ остановился съ двумя больными солдатами, шедшеми ему на встрѣчу и, при поравненіи съ нимъ, остановившимися отдать ему честь во фронтѣ. Но одинъ изъ этихъ солдатъ, за болѣзнею правой руки, поднялъ къ козырьку лѣвую. Это, должно быть очень тронуло генерала Скобелева и онъ, остановившись съ ними, спросилъ ихъ:—«вы куда ребята?»

Тѣ назвали ему лицо, къ которому они шли.

— Ага! прекрасно, добавилъ генералъ,—я сейчасъ дамъ вамъ свою карточку, и онъ сдѣлаетъ для васъ все, что нужно.

И съ этими словами ген. Скобелевъ вынулъ изъ кармана пальто свою визитную карточку и, написавъ на нее что-то, подалъ ее одному изъ солдатъ, замѣтивъ при этомъ:—«скажите ему, что я прошу за васъ»... и онъ сдѣлаетъ.—И съ этими словами генералъ, сказалъ имъ—«съ Богомъ, ребята, будьте здоровы»—пошелъ дальше...

Всю эту сцену я прослушалъ отъ начала до конца и лично убѣдился въ высокой душѣ М. Д. Скобелева, въ той именно голубиной чистотѣ человѣка, которой недостаетъ многимъ людямъ.

Свидѣтели этого факта на Невскомъ, были и многіе другіе лица, которыя также могутъ подтвердить эти высокія добродѣтели «Бѣлаго Генерала»...

XI.

«Бѣлый Генералъ» въ Азіи.

Въ 1880 году у Россіи возникла война въ Средней Азіи. Здѣсь волновались текинцы и нападали на наши владѣнія, пограничныя съ ними. Такъ чтобы ихъ усмирить, туда были посланы русскія войска подъ командою одного генерала... Но этотъ полководецъ постоянно терпѣлъ пораженія отъ дикихъ азіатовъ. И поэтому государю императору Александру II-му благоугодно было назначить главнокомандующимъ азіатской арміею М. Д. Скобелева. Тотъ направился къ мѣсту своего назначенія и, принявъ на себя ввѣренный ему съ Престола постъ, занялся изученіемъ непріятеля въ его боевыхъ способностяхъ. На это онъ посвятилъ не мало труда и времени все подготовляясь къ бою съ текинцами. Его задача въ этомъ случаѣ была такова, чтобы не тратить

даромъ времени на безплодную борьбу, не узнавъ всѣхъ слабыхъ сторонъ непріятеля; не причинять безполезнаго труда своимъ солдатамъ, не извѣдавъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла среди азіатовъ, и не вызывать напрасныя потери въ рядахъ своего войска, ведя ихъ невѣдома куда и зачѣмъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ также извѣдалъ и настроеніе своихъ солдатъ. При этомъ оказалось, что русское войско, при его появленіи здѣсь, такъ было воодушевленно имъ, что лучшаго ничего и нельзя было требовать отъ людей. Для поддержанія же хорошаго духа въ своихъ солдатахъ, генералъ Скобелевъ часто справлялся объ ихъ довольствѣ, посѣщая ежедневно полковыя кухни и пробуя тамъ солдатскую пищу.

Однажды онъ замѣтилъ своего солдата очень грустнымъ и спросилъ его:— «ты что такъ печаленъ?..»

— Никакъ нѣтъ-съ,—ваше превосходительство, отвѣтилъ тотъ браво, желая скрыть свою грусть.

— Неправда. Ты что то таишь отъ меня. Это не хорошо. Солдатъ долженъ быть откровененъ со своимъ командиромъ. Говори все...

— Да изъ деревни пишутъ плохо...

— А что тамъ?

— Неурожай...

— А ты откуда?

— Рязанскій буду...

— Значитъ землякъ. На вотъ тебѣ пошли своимъ на харчи. Да скажи имъ, чтобы не горевали, еще, молъ, пришлю. А я молъ, добавь имъ, Георгія получилъ. Вѣдь ты получишь, какъ мы будемъ брать крѣпость текинцевъ «Геокъ-Тепе»?.. И съ этими словами генералъ Скобелевъ вынулъ изъ кармана одну солидную кредитку и подалъ ее горевавшему солдату. Тотъ, конечно, отрапортовалъ ему свою солдатскую благодарность.

— Ну, смотри же, напиши въ деревню, что ты Георгія получилъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Такія бесѣды М. Д. Скобелевъ нерѣдко велъ со своими солдатами, поднимая въ нихъ духъ военной храбрости и развивая любовь въ подчиненныхъ къ своему начальству вообще.

Не меньшее обояніе имѣлъ генералъ Скобелевъ и среди дикихъ азіатовъ. Будучи извѣстенъ имъ подъ именемъ непобѣдимаго «Бѣлаго Генерала», онъ внушалъ текинцамъ и страхъ и уваженіе. Имѣя и здѣсь бѣлую лошадь и нося бѣлый китель, онъ нерѣдко появлялся у азіатовъ на виду въ такомъ миѳическомъ олицетвореніи и поражалъ ихъ своей неустрашимостью.

Разъ на одной изъ рекогносцировокъ, при обозрѣніи непріятельскихъ укрѣпленій, гдѣ М. Д. Скобелевъ былъ съ небольшимъ отрядомъ казаковъ, онъ внѣзапно оказался отакованнымъ большимъ скопищемъ текинцевъ. Тѣ, увидѣвъ передъ собою «Бѣлаго Генерала,» моментально пріостановили свою атаку и опасались двинуться ближе къ нему, думая, что онъ нанесетъ имъ пораженіе, хотя его конвой и былъ меньше

азіатскаго полчища въ десять разъ. Замѣтя эту трусость передъ собою текинцевъ, генералъ Скобелевъ скомандовалъ своему конвою «Смирно», и такъ не двинулся съ мѣста, выжидая, что будутъ дѣлать азіаты.

Прошло такъ нѣсколько минутъ тихаго молчанія съ обѣихъ сторонъ непріятеля. Но вотъ, наконецъ, нѣсколько текинцевъ выдѣлилось изъ своей ватаги и двинулись впередъ по направленію къ генералу Скобелеву. Потомъ, остановившись въ недалекомъ разстояніи отъ него, они стали вызывать его къ себѣ, точно на поединокъ съ ними. Зная духъ азіатовъ, «Бѣлый Генералъ» поскакалъ къ нимъ съ однимъ изъ своихъ переводчикомъ-туркестанцемъ, будучи увѣренъ, что они храбраго не тронутъ, и онъ въ этомъ не ошибся.

— Что вамъ молодцы-текинцы отъ меня нужно? спросилъ ихъ Скобелевъ, подскакавъ къ нимъ лицомъ къ лицу.

Переводчикъ сказалъ имъ слова генерала. И когда они услышали ихъ, то обнажили передъ Скобелевымъ свои

головы, а потомъ выразили ему свое желаніе, что они хотѣли бы, чтобъ «Бѣлый Генералъ» ввѣрилъ себя ихъ чести и отпустилъ бы свой конвой. Онъ это сдѣлалъ. Тогда текинцы, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, повели подъ конвоемъ въ русскій лагерь. Здѣсь ихъ Скобелевъ угостилъ на славу и отпустилъ къ своимъ всадникамъ.

— Теперь мы вѣримъ тебѣ «Бѣлый Генералъ», что ты неустрашимъ и добръ, какъ самъ Аллахъ (богъ), сказали текинцы, прощаясь съ нимъ, и стрѣлою пустились въ обратный путь.

Отсюда уже обаяніе азіатовъ къ «Бѣлому Генералу» стало еще большее и они страшно боялись его нападенія на нихъ, вѣря въ его непобѣдимость.

Но такъ или иначе, а текинцы всетаки же не хотѣли отдаться даромъ «Бѣлому Генералу» и сильно укрѣпляли свою твердыню „Геокъ-Тепе».

Скобелевъ же все медлилъ нападать на непріятеля и тѣмъ далъ ему случай укрѣпиться. За это медленіе генерала упрекали, называя его чуть ли не

трусомъ. Но онъ на это не обращалъ никакого вниманія, говоря, что мнѣ надо дать не пріятелю случай укрѣпиться въ своемъ лагерѣ и стянуть всѣ его силы въ одномъ пунктѣ, чтобъ поразить его разомъ, чѣмъ гоняться за нимъ въ степи и ловить его тамъ, какъ вѣтеръ въ полѣ. И дѣйствительно разсчетъ Скобелева былъ вѣренъ. Текинцы всѣ собрались въ Геокъ-Тепе, чтобъ скрыться за стѣнами ея крѣпости, опасаясь вступать въ бой съ «Бѣлымъ Генераломъ» въ открытомъ мѣстѣ, въ степи. А Скобелеву только этого и нужно было. И вотъ, когда всѣ текинцы собрались въ Геокъ-Тепе, русскіе же успокоились отъ прежнихъ неудачъ, а самъ генералъ разсчиталъ все, что ему нужно было сдѣлать при осадѣ этой азіатской крѣпости, какія войска съ которой стороны повести на нее, сколько нужно оставить въ резервѣ для того, чтобы отбить нападеніе отъ осаждающихъ войскъ крѣпость текинцевъ, еще оставшихся разсѣянными въ степи и при осадѣ Геокъ-Тепе могущими собраться

здѣсь для защиты своихъ соплеменниковъ и пр. онъ разомъ нагрянулъ на непріятеля и однимъ ударомъ нанесъ ему полное пораженіе, покончивъ дѣло такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ, что другими людьми не могло быть совершено и долгими годами. Съ паденіемъ Геокъ-Тепе закончилось и усмиреніе текинцевъ и средне-азіатовъ вообще, и Россія пріобрѣла здѣсь нынѣшнюю Закаспійскую область, пространствомъ своимъ чуть ли не во всю Францію.

Вотъ какъ умѣлъ Скобелевъ вести военные дѣла, беречь сыновъ своего отечества и блюсти интересы нашего государства. Слава „Бѣлаго Генерала“ такимъ образомъ вполнѣ подтвердила свое обаяніе о немъ среди азіатовъ и непобѣдимость его выразилась самымъ рельефнымъ явленіемъ. При взятіи Скобелевымъ крѣпости Геокъ-Тепе, какъ говорятъ историки, текинцевъ пало болѣе тридцати тысячъ. Они сражались отчаянно и вели борьбу прямо не на животъ, а на смерть. Предусмотрѣвъ

все это Скобелевъ и обдумалъ строго, какъ повести ему атаку на крѣпость безъ отступленія, какъ это дѣлали его предшественники. Но «Бѣлый Генралъ» отступать не могъ. Онъ какъ средневѣковый рыцарь говорилъ «или со щитомъ, или на штыкѣ!", т. е. или поражу или самъ лягу на полѣ брани. Но ему все приходилось поражать. Поэтому даже нѣмцы стали бояться «Бѣлаго Генерала". Тѣмъ болѣе, когда онъ покончивъ съ текинцами, взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Парижъ отдыхать. Но онъ въ жизни вѣчный былъ работникъ. Ему некогда было отдыхать.

Прибывъ въ Парижъ, онъ занялся тамъ вопросомъ объ отвоеваніи для французовъ отъ нѣмцевъ Эльзаса и Лотарингіи, взятыхъ прусаками послѣ войны съ Наполеономъ III въ 1870 году, и велъ съ Гамбетою совѣты на этотъ счетъ.

XII.

Смерть „Бѣлаго генерала“.

Безвременная кончина «Бѣлаго Генерала», М. Д. Скобелева тожъ, послѣдовавшая совершенно неожиданно ни для кого въ свѣтѣ, въ Москвѣ 1882 года, повергла Россію въ страшное уныніе. Печаль по немъ разселилась по всѣмъ концамъ нашего отечества. Не было уголка въ Россіи, гдѣ бы эта дорогая для русскаго народа смерть, не вызвала плача и страданія. Больше всего от-

неслась къ этому сочувственно вся Москва. Здѣсь не было человѣка, который бы не воспѣлъ передъ памятью великаго русскаго героя всѣ подвиги его на славу нашего дорогого отечества. Каждый москвичъ, услышавшій о скоропостижной смерти „Бѣлаго Генерала" въ одной изъ гостинницъ первопрестольной, спѣшилъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и вымолвить промежъ себя: „вѣчная память тебѣ добрый человѣкъ, славный герой и великій сынъ нашего дорогого отечества". А потомъ уже онъ обращался къ первому встрѣчному на улицахъ Москвы и спрашивалъ о причинахъ внезапно кончины „Бѣлаго Генерала».

Тѣло почившаго героя было выставлено на поклоненіе ему москвичей въ церкви Трехъ Святыхъ у Красныхъ воротъ и потомъ отправлено въ Рязанскую губ. въ имѣніе Скобелевыхъ, гдѣ

и было предано землѣ. Здѣсь, на проводахъ праха народнаго героя собралась вся Москва и не было человѣка среди этихъ провожатыхъ, который бы не пролилъ горячей слезы за безвременную кончину „Бѣлаго Генерала", М. Д. Скобелева тожъ. Это было какое то народное торжество, по количеству людей на немъ собравшихся, а не печальное шествіе за колесницею, на которой возлегалъ прахъ лучшаго друга русскаго народа.

Да, пройдутъ вѣка, переживутъ въ исторіи времени цѣлыя поколѣнія людей, перечувствуетъ русскій народъ не одну кончину своихъ новыхъ героевъ, но имя М. Д. Скобелева, «Бѣлаго Генерала" тожъ, останется въ его памяти непоколебимымъ на вѣчныя времена и будетъ всегда блистать на фонѣ общей исторіи Россіи также ярко, свѣтло, какъ чистый ореолъ величія народной мудрости, отразившійся въ этомъ славномъ героѣ и рыцарѣ...

И такъ миръ праху твоему великій другъ русскаго народа, доблестный воинъ на поляхъ народныхъ битвъ за вѣру, царя и отечество и славный добротворецъ, спасавшій жизнь людей цѣлыми тясячами!..

С. И. Глѣбовъ (Гнѣдичъ).

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изданіе

Н·И·

Холмушин[illegible]

Dolioule
Don Hupbckey

